

УДК 323.113+327.82

Людмила Владимировна Слуцкаяканд. ист. наук, доц., доц. каф. политологии
Белорусского государственного университета**Liudmila Slutskaia**Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Political Science of Belarusian State University
e-mail: slutskaialv@bsu.by**ДИАСПОРА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ:
ПОЛИТИКА ДИАСПОРЫ, ДИПЛОМАТИЯ ДИАСПОРЫ, ДИАСПОРАЛЬНЫЙ ЛОББИЗМ***

Раскрывается роль диаспоры как значимого инструмента влияния в современных международных и политических процессах. На примере анализа феноменов «политика диаспоры», «дипломатия диаспоры», «диаспоральный лоббизм» подчеркивается отсутствие точных трактовок данных понятий, несмотря на активизацию деятельности диаспор. Указанные термины используются для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «мягкой силы») либо когда сами диаспоры используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений.

Ключевые слова: диаспора, сообщества, соотечественники, диаспоральная политика, дипломатия, диаспоральная дипломатия, лоббизм, группы влияния.

***Diaspora in the Modern Political Process:
Diaspora Politics, Diaspora Diplomacy, Diasporic Lobbying***

The article is devoted to the theoretical aspects of the concepts of «diaspora politics», «diaspora diplomacy», «diasporic lobbying». The lack of precise interpretations of these concepts is noted, despite the increased activity of diasporas. These terms are used to describe situations where diasporas act as one of the instruments of public diplomacy (in the format of «soft power») or when diasporas themselves use various resources of influence to put pressure on decision-making.

Key words: diaspora, communities, compatriots, diaspora politics, diplomacy, diaspora diplomacy, lobbying, pressure groups.

Введение

Во внешней политике и дипломатии государств неуклонно усиливается потенциал новых акторов – НПО, МНПО, ТНК, частных военных компаний, религиозных и национальных движений, бизнес-структур, диаспор и других негосударственных субъектов политики. Существенно возросла роль диаспор, они стали важными игроками международного уровня. Глобализация, миграционные процессы, появление новых технологий, таких как социальные сети и мессенджеры, открыли новые возможности для влияния диаспор на состояние и развитие межгосударственных отношений, на внешнеполитическую составляющую госу-

дарства. «Современная диаспора – это совершенно новый, независимый, институционально оформленный и конкурентный игрок на международной арене», – отмечает российский исследователь М. А. Борисова [1, с. 265].

Исследования диаспор, их роли во внешней политике и дипломатии приобретают все большее значение как в академических кругах, так и среди политиков. Все чаще поднимаются вопросы: в какой степени значимы политические и другие связи, преодолевающие национально-государственные границы (политический транснационализм)? Как государства управляют отношениями с членами своего этнонационального сообщества за рубежом, как строится взаимодействие с диаспорой страны ее происхождения? В какой степени действия диаспор увеличивают вероятность конфликтов в странах их происхождения? Какова роль диаспор в урегулировании конфликтов и постконфликтном развитии?

*Статья подготовлена в рамках НИР 02.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности», № госрегистрации 20211919 (ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.).

Указанные факторы актуализируют анализ сущности политики и дипломатии диаспор, их лоббистского потенциала во внешней политике государств и международных отношениях.

Цель статьи – раскрыть сущность феноменов политики диаспоры, дипломатии диаспоры, диаспорального лоббизма и показать их роль в международных и внутриполитических процессах.

Диаспоры в современном научном дискурсе

Ученые определяют диаспоры по-разному, подчеркивая те или иные черты этого феномена: историю и происхождение, различные формы взаимодействия с государством исхода и степень влияния в государстве пребывания. Основное различие между определениями заключается в том, является ли членство в диаспоре фиксированным и поддающимся количественному измерению, или это динамический процесс поддержания принадлежности и реконструкции идентичности, сознания и дискурсов (Ф. Б. Адамсон и М. Деметриу, 2007 г.; Р. Брубейкер, 2005 г.; С. Паясян, 2010 г.; S. Dufoix, 2003 г.; Р. Цагарусиану, 2004 г.).

Сложность определений диаспор в последние десятилетия только усиливается. Наблюдается тенденция выхода за рамки классических концепций диаспоры. Классические определения (Коэн, 2008 г., Сафран, 1991 г.) предусматривали «идеальный тип» диаспоры с такими характеристиками, как отчуждение от принимающего общества и желание вернуться на родину. В рамках классических концепций термин «диаспора» обычно относится к лицам, которые проживают в одной стране, но сохраняют идентификацию со страной своего происхождения или своих предков. Объединяющие идентичности часто воспринимались как этнонациональные (например, армянская, еврейская, турецкая, китайская диаспоры).

Однако термин «диаспора» можно применять и к более широким категориям в континентальном или региональном масштабе (например, к африканской диаспоре) [2], или с точки зрения религиозной идентичности (мусульманская диаспора). Эти идентичности могут быть взаимосвязаны (например, религия и этническая принадлеж-

ность) [3]. Не стоит полагать, что лишь мигранты или лица мигрантского происхождения являются частью диаспоры: «В современных условиях глобализирующегося мира диаспорами являются те, кто считает себя таковыми» [Цит. по: 4, с. 3464].

Диаспора все чаще рассматривается в контексте политики: как политический ресурс (Е. С. Карсанова, Р. К. Гуршумов), как субъект политических коммуникаций (М. А. Мыльников), как фактор влияния на функционирование политических систем (Н. А. Антанович), как инструмент внешней политики государств (Л. А. Кртян), как субъект этнополитических отношений и новая модель этнополитической общности (А. С. Ким, М. П. Ковалев, О. Е. Герасимова), как «мягкая сила» (И. Д. Лошкарёв, Е. Г. Энтина, А. С. Смирнова). Современные исследователи подчеркивают такую черту диаспор, как транснациональность (Г. Шеффер, В. В. Кочетков, В. Ю. Калинин, А. Н. Петрови др.).

Дипломатия диаспоры как область исследования

Трансформация роли диаспоры в мировой политике в XXI в. демонстрирует появление таких терминов, как «диаспоральная политика» или «политика диаспоры» (англ. *diasporic politics*), «диаспоральная дипломатия» (англ. *diaspora diplomacy*), «диаспоральный лоббизм» (англ. *diasporic lobbying or diaspora lobbying*). Эти термины пока не получили однозначной научной трактовки, но активно используются «по умолчанию» для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «мягкой силы») либо используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений. Следует отметить, что в ряде франкоязычных стран больше распространено и используется понятие *communauté* (фр.) – «сообщество, общность, община», а диаспора (*diaspora*). При этом в научных публикациях на французском языке термин «диаспора» используют преимущественно исследователи из других, не франкоязычных стран.

Политика диаспоры рассматривается как политическое поведение транснациональных диаспор в отношении со своей родиной и принимающим государством, а так-

же их роль в предотвращении или нагнетании конфликтов, связанных со страной их происхождения и этнической принадлежностью. Растущая роль диаспор в дипломатии нашла отражение в развивающейся подопласти *диаспоральной дипломатии*. Российский политолог А. И. Сухарев трактует диаспоральную дипломатию как одно из направлений сетевой дипломатии в сфере гуманитарного измерения внешней политики, ориентированную на использование ресурсов зарубежных соотечественников в интересах страны исхода [5].

Дипломатия диаспоры, хотя и не получила точного определения, находится в процессе институционализации. Развернутую трактовку термину «диаспоральная дипломатия» попытался дать венесуэльский исследователь А. Торреальба, который рассмотрел его в трех аспектах: «как раздел политической социологии; как обозначение совокупности внешних политик и как дипломатическую стратегию» [6, с. 156]. Он предложил определить диаспоральную дипломатию как коллективную деятельность, основанную на поддержке и активности большого числа эмигрантов, оказывающих влияние на культуру, экономику и политику принимающей страны «посредством взаимовыгодных отношений, сближающих культуры сторон», в некоторых случаях «способных воздействовать на существующие международные отношения не только между своей исторической родиной и страной своего пребывания», но также оказывать влияние на отношения с другими странами [6, с. 156].

Успешная институционализация и интеграция диаспоры в принимающем государстве создают возможности диаспорального представительства при взаимодействии с властными структурами страны пребывания, способствуют ее экономическому и политическому влиянию, позволяя ей «выстраивать взаимовыгодные отношения и вести переговоры по различным вопросам с политическими лидерами страны своего проживания» [6, с. 156].

Институт публичной дипломатии (МНГО, созданная в Англии и Уэльсе и зарегистрированная в 2021 г.) выделяет следующие особенности дипломатии диаспоры: реализуется негосударственными субъектами и служит социальным интересам,

проявляется через три типа взаимодействия: посредничество, представительство и пропаганду. «Дискурс глобального управления во многом посвящен включению диаспор в международные отношения в качестве активных дипломатических субъектов» [7]. Исследователи Института подчеркивают, что диаспоры, постепенно увеличиваясь в размерах и силе, стали влиятельными игроками на внутреннем и международном фронтах, «способными играть как роль миротворца, так и нарушителя мира» [7].

Государства, используя диаспоры, «стремятся реализовать коммуникацию транснационального масштаба и создать объективные возможности для реализации властных отношений путем создания институтов диаспоры» [8]. Новозеландский профессор А. Гамлен рассматривает деятельность государств происхождения во взаимодействии с диаспорой как политику:

1) направленную на дискурсивное создание государственно ориентированного «транснационального сообщества»;

2) формирующую комплекс соответствующих государственных институтов для взаимодействия и распространения «прав на диаспору», чтобы побудить представителей диаспоры к обязательствам защиты государства своего происхождения.

Заинтересованность государств в приобщении диаспор к внутривластным и внешнеполитическим процессам подтверждается практическими действиями правительств. Так, в Лиссабоне 7–8 сентября 2017 г. при Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) создана Сеть по политике в отношении диаспоры. Указанная Сеть была основана как платформа для установления и развития политического диалога, сотрудничества между членами парламентов, ассоциациями диаспор и государственными учреждениями из стран происхождения мигрантов и стран, принимающих мигрантов, участвует в разработке законодательства по реализации политики в отношении диаспоры и механизмов институциональной координации, оказывает консульские услуги, реализует дипломатию диаспоры и социальной защиты, а также способствует укреплению доверия, уверенности и патриотизма [9].

Приведем примеры того, как различные страны формировали административ-

ный и дипломатический потенциал для систематического установления каналов связи с диаспорами. Одними из первых целенаправленную работу с диаспорами начали проводить такие страны, как Израиль, Россия, КНР, Греция, Турция. Так, Министерство алии и абсорбции Израиля (до 2013 г. называлось Министерством абсорбции) было образовано еще в середине XX в. Оно отвечает за предоставление государственной помощи репатриантам и поддерживает их на всех этапах от первоначальных организационных моментов до полной интеграции во все сферы израильского общества [10].

Основным объединением греческой диаспоры является Союз греков зарубежья, образованный в 1995 г. указом Президента Греческой Республики.

Работа российского правительства с соотечественниками, проживающими за рубежом, уходит своими корнями в 1920-е гг., когда в 1925 г. было основано Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, наследником которого в настоящее время является Россотрудничество, созданное указом Президента Российской Федерации в 2008 г. как Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству. Сегодня организация представлена в 80 странах мира 87 заграничными представительствами. С 2021 г. они получили неформальное название «Русский дом» [11]. Помимо Россотрудничества интересы и права российских граждан за рубежом представляют Фонд защиты и поддержки прав соотечественников, проживающих за рубежом, Всемирный конгресс соотечественников, Всемирный координационный совет российских соотечественников. Последнее десятилетие отмечено усовершенствованием правовой защиты законных интересов прав и свобод граждан РФ, проживающих за рубежом. Это нашло отражение в обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г., в которой всесторонняя эффективная защита прав, свобод и законных интересов российских граждан и организаций за рубежом, развитие связей с соотечественниками, проживающими за рубежом, и оказание им всесторонней поддержки в осуществлении их прав, обеспечении защиты их

интересов и сохранении общероссийской культурной идентичности определены в качестве национальных интересов, стратегических целей и основных задач внешней политики [12].

С началом нового тысячелетия многие страны осознали необходимость целенаправленной работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, и формирования при правительствах и внешнеполитических ведомствах организаций, отвечающих за работу с диаспорами для оказания им всесторонней поддержки, углубления контактов и расширения взаимодействия. Так, в Индии в 2004 г. создано Министерство по делам индийцев за рубежом, в этом же году в Мали – Министерство по делам малийцев за рубежом и африканской интеграции [13]. В 2019 г. при Министерстве иностранных дел Республики Мадагаскар создано Управление диаспорой, задачи которого «заключаются в укреплении связей между диаспорой и Мадагаскаром, разработке в сотрудничестве с заинтересованными ведомствами и организациями национальной политики по привлечению диаспоры», а также «содействие участию малагасийской диаспоры в социально-экономическом развитии Мадагаскара посредством перевода средств, передачи ноу-хау и знаний, развития инвестиций диаспоры, туризма и укрепления национальной солидарности» [14].

Большое внимание работе с соотечественниками, особенно из стран СНГ, уделяет правительство Республики Корея, где «диаспоральная политика находится в ведении министерства иностранных дел. Политика в отношении зарубежных корейцев является частью внешнеполитического курса страны. Институты, взаимодействующие с диаспорой, представлены Комитетом по диаспоральной политике, Фондом зарубежных корейцев, а также консульским отделом по делам зарубежных соотечественников в структуре министерства иностранных дел» [15]. В мае 2022 г. президент Южной Кореи Юн Сок Ёль заявил, что в стране будет создано управление по делам зарубежных соотечественников, политика которого будет направлена на укрепление прав и соблюдение интересов соотечественников за рубежом, развитие связей с зарубежными со-

отечественниками по разным направлениям, в т. ч. в подготовке кадров будущего [16].

Способность родного государства к реализации политики взаимодействия с диаспорой зависит в первую очередь от «воображаемого (или дискурсивного) сплочения транснационального сообщества, основанного на общей, государственно-центричной идентичности». Своего рода «символическое государственное строительство» устанавливает отношения коммуникации посредством системы символов и знаков, обновляющих осуществление власти [8].

Итак, институционализация «диаспоральной дипломатии» является показателем того, что диаспоры стали влиятельным субъектом во внешней политике. Значимость диаспоральной дипломатии отражена в словах генерального консула Марокко в Париже Мустафы Эль Буаззауи: «В многогранной дипломатии диаспора всегда была элементом национальной дипломатии, а следовательно, дополнительной ценностью параллельной дипломатии, которая доказала свою эффективность и свое влияние на дискуссионных площадках по множеству вопросов» [17].

Посредничество диаспоральных структур гарантирует более широкий доступ к международным организациям: «Значение многих негосударственных субъектов преимущественно определяется наличием у них ресурсов социально-политической и гуманитарной природы. Их можно использовать с наименьшими издержками, а разнообразие такого рода ресурсов снижает конкуренцию транснациональных политических структур за обладание или доступ к ним [18].

Сегодня диаспоры – это во многом результат трудовой миграции, которая трансформировалась от сезонной к длительной миграции благодаря постоянной работе в стране пребывания. Возможность постоянного трудоустройства привела к воссоединению семей мигрантов и расширению диаспоральных сообществ. Эти процессы в последние годы только усиливаются. По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, в 2020 г. 281 млн человек, или 3,5 % населения мира, проживали за пределами страны своего происхождения. К диаспорам относятся мигранты или потомки мигрантов. «Политика

взаимодействия с диаспорой состоит из ряда государственных мер, направленных на привлечение, поддержание или развитие отношений с диаспорой, проживающей за рубежом. Эта политика включает обеспечение прав и защиты членов диаспоры, укрепление национальной идентичности, содействие крепким отношениям и содействие вкладу диаспоры в социальное и экономическое развитие страны (т. е. денежные переводы)» [19].

Сообщества диаспоры, способствующие развитию коммерческих связей, деловых отношений, передаче знаний, могут быть социальным, культурным и экономическим мостом между странами. Диаспоры, сохраняющие свою национальную идентичность, импульсы к самоорганизации, связи с исторической родиной, являются проводниками информации о стране своего происхождения и способны влиять на имидж страны происхождения. Однако возможны амбивалентные действия: как в интересах повышения авторитета страны исхода на международной арене, так и формирования негативного образа. А. Торреальба подчеркивает, что диаспора может оказывать давление на правительство страны пребывания в вопросе формирования политики по отношению к своей родной стране; может влиять на страну происхождения, оказывая ей поддержку или же демонстрируя отторжение; финансировать и поощрять деятельность той или иной партии, социального движения или общественной организации в стране пребывания; спонсировать терроризм и содействовать продолжению конфликтной обстановки на своей родине [6, с. 158]. В этих условиях государствам необходимо учитывать роль и влияние диаспор, а следовательно, взаимодействовать с заинтересованными сторонами: диаспорами и их ассоциациями, властями принимающих стран и стран происхождения, а также с НПО.

Исследователи выделяют три основные модели работы с зарубежными диаспорами: репатриационная (переселение на историческую родину), патерналистская (защита прав соотечественников и оказание им материальной поддержки), прагматическая (модель, опирающаяся на использование политического, экономического, лоббистского потенциалов диаспоры) [20, с. 122].

Что касается трактовки понятия «*диаспоральный лоббизм*», следует отметить отсутствие прямого определения данного термина в словарях и исследованиях. Синонимично используются такие понятия, как «*группы влияния*», «*группы давления*», «*инфлюэнсеры*». Исходя из систематизации действий, диаспоральный лоббизм можно определить как:

1) организованные действия представителей диаспор по оказанию влияния на изменение определенных видов политики;

2) действия, направленные на изменение отношения либо к представителям диаспор в принимающей стране, либо привлечение внимания к процессам, происходящим в родной стране происхождения диаспоры;

3) процесс убеждения влиятельных лиц либо воздействие на отдельные политические институты, государства, международное сообщество с целью постановки проблемы диаспор на повестку дня политики для решения проблемы в интересах самой диаспоры либо страны происхождения. При этом диаспоры могут действовать как в поддержку официальных властей страны происхождения, так и, напротив, стремиться к разжиганию конфликтов. Члены диаспоры и мигранты могут оказывать воздействие на внутренние процессы своей родной страны, например, осуществляя денежные переводы, которые «могут служить эффективным инструментом для роста экономики страны происхождения мигрантов» [22, с. 51]. При этом политика санкций и ограничений, налагаемых западными государствами на страны, проводящие альтернативную западной внутреннюю и внешнюю политику, снижают потенциал влияния диаспор на внутривнутриполитические процессы страны исхода, стимулируя конфликтность между диаспорами и правительствами стран исхода.

Диаспоры являются вовлеченными участниками межэтнических противостояний, в которых берут на себя функцию либо артикуляции этнических претензий, либо нейтрализации потенциального или актуального конфликта. Медиаторский потенциал диаспоры хотя и находится «в прямой зависимости от характера межрегиональных и международных отношений, но может и должен быть использован органами государственной власти и общественными

институтами как инструмент обеспечения национальной безопасности» [23, с. 66]. Правительство Мадагаскара, например, прямо указывает, что его диаспора может сыграть важную роль «в построении национального единства и социально-экономическом восстановлении страны» благодаря «социальным инвестициям, передаче навыков и денежными переводами» [23].

Итак, государства могут использовать политику взаимодействия с диаспорой для политических и экономических маневров как за счет привлечения влиятельных экспатриантов для усиления воздействия на глобальную арену, так и путем установления контроля над транснациональными представительствами диаспоры. Например, Турция попыталась привлечь диаспору, чтобы расширить свою политическую повестку и усилить влияние на ЕС. Марокканская диаспора представляет собой лоббистскую силу и дополнительную ценность параллельной дипломатии, которая доказала свою эффективность и влияние в защите интересов Марокко [17].

Таким образом, действия диаспор проявляются в эффектах влияния сформированной диаспорами транснациональной повестки на государства происхождения самих диаспор.

Заключение

Подводя итог, отметим, что понятия «*политика диаспоры*», «*дипломатия диаспоры*», «*диаспоральный лоббизм*» используются для описания ситуаций, когда диаспоры выступают в качестве одного из инструментов публичной дипломатии (в формате политики «*мягкой силы*»), либо сами диаспоры используют различные ресурсы влияния, чтобы оказать давление на принятие решений. Хотя научное определение диаспоры может варьироваться, есть три основные ее особенности. Диаспору можно рассматривать как результат длительной миграции, в ходе которой мигранты, прибывающие в принимающую страну, в значительной степени сохраняют свою этнокультурную идентичность и формируют идеализированный образ своей родины. Это в основном связано с формированием диаспоральных организаций внутри принимающей страны, которые способствуют как сохранению коллективной идентичности, так и ук-

реплению механизмов политической мобилизации. Последнее включает в себя потенциал влияния на политических игроков как внутри страны происхождения, так и в принимающей стране.

В XXI в. наблюдается активизация политического измерения деятельности государств в отношении «своих» диаспор. Выделяют три основные модели работы с зарубежными диаспорами: репатриационную, патерналистскую и прагматическую. Страны происхождения используют стратегии внешней политики, которые можно обобщить термином «дипломатия диаспоры». Эти стратегии могут различаться как по своему проявлению, так и по степени легитимности. Основная цель таких стратегий – вызвать лояльность к родной стране и нарастить политическое международное влияние путем пропаганды определенных на-

циональных и религиозных нарративов, а также посредством таких практик, как организация культурных праздников, проведение выборов за рубежом и др. Эта концепция, основанная на формировании лояльности, в результате приводит к экспорту схемы «друг – враг» из политического дискурса родной страны, требует усилий по защите лояльных членов диаспоры от влияния политических диссидентов. Следует подчеркнуть проблематичный аспект: диаспоры в зависимости от внутренней сплоченности и того, каких политических взглядов придерживаются их лидеры, могут выступать как за стабилизацию и развитие, так и за дестабилизацию в стране своего происхождения. Соответственно, можно сделать вывод, что диаспоры могут претендовать на собственную дипломатию или, скорее, диаспоральный лоббизм.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова, М. А. Диаспоризация мира как инструмент внешнеполитического влияния государств / М. А. Борисова // *Bulletin of the tajik national university Series of economic and social sciences*. – 2023. – № 2. – Р. 262–271.
2. Gauvin, A. La diaspora africaine est un acteur essentiel du développement économique et social de l'Afrique [Electronic resource] / A. Gauvin // *Le Monde*. – 2022. – 3 sept. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/03/la-diaspora-africaine-est-un-acteur-essentiel-dudeveloppement-economique-et-social-de-l-afrique_6140086_3232.html. – Date of access: 25.09.2023.
3. Mandaville, P. G. *Transnational Muslim politics: Reimagining the umma* / P. G. Mandaville. – New York : Routledge, 2001. – 234 p.
4. Герасимова, О. Е. Транснациональные диаспоры как новая модель этнополитической общности / О. Е. Герасимова // *Вопр. политологии*. – 2021. – Вып. 12 (76), т. 11. – С. 3461–3467.
5. Сухарев, А. И. Политическое становление субъектов сетевых гуманитарных взаимодействий в международных отношениях глобального мира : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 / А. И. Сухарев. – М., 2011. – 51 с.
6. Торреальба, А. А. Три основных подхода диаспоральной дипломатии во внешней политике / А. А. Торреальба // *Актуал. проблемы экономики и права*. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 154–169.
7. *Diaspora Diplomacy* / Institute of Public Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.publicdiplomacy.online/diaspora-diplomacy>. – Date of access: 25.09.2023.
8. Gamlen, A. *Diaspora Engagement Policies: What Are They, and What Kinds of States Use Them?* [Electronic resource] / A. Gamlen // *Working Paper*. – University of Oxford, 2006. – № 32. – Mode of access: https://www.compas.ox.ac.uk/2006/wp-2006-032-gamlen_diaspora_engagement_policies/. – Date of access: 25.09.2023.
9. Réseau parlementaire sur les politiques des diasporas [Electronic recourse]. – Mode of access: <https://pace.coe.int/fr/pages/network-diaspora>. – Date of access: 25.09.2023.
10. Министерство алии и абсорбции [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
11. О Россотрудничестве [Электронный ресурс] // Официальный сайт Россотрудничества. – Режим доступа: <https://rs.gov.ru/about-foiv/>. – Дата доступа: 25.09.2023.

12. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации В. В. Путиным, 31 марта 2023 г., № 229. – Режим доступа: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Дата доступа: 25.09.2023.
13. «Diaspora Diplomacy» as a foreign policy strategy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ifair.eu/2018/11/01/diaspora-diplomacy-as-a-foreign-policy-strategy/>. – Date of access: 25.09.2023.
14. Direction de la diaspora [Electronic resource] // Ministère des affaires étrangères de Madagascar. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.
15. Малгаждарова, А. М. Институты диаспоральной политики: на примере Южной Кореи / А. М. Малгаждарова // Вестн. КазНПУ им. Абая. Сер. Ист. и соц.-полит. науки. – 2022. – № 1 (72). – С. 89–99.
16. В РК появится управление по делам зарубежных соотечественников [Electronic resource]. – Mode of access: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=70098. – Date of access: 25.09.2023.
17. Sahara marocain : La diaspora marocaine, une force de lobbying et une valeur ajoutée de la diplomatie parallèle (Consul du Maroc à Paris) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/sahara-marocain-la-diaspora-marocaine-une-force-de-lobbying-et-une-valeur-ajoutee-de-la>. – Date of access: 25.09.2023.
18. Лошкарёв, И. Д. «Мягкая сила» диаспоры. Опыт американцев польского и ирландского происхождения / И. Д. Лошкарёв // Междунар. процессы. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 141–155. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.8
19. Diaspora engagement policies [Electronic recourse] // Migration Research Hub. 2022. – Mode of access: <https://migrationresearch.com/taxonomies/topics-migration-governance-migration-policy-and-law-diaspora-engagement-policies>. – Date of access: 25.09.2023.
20. Кртян, Л. А. Диаспора как инструмент внешней политики государств / Л. А. Кртян // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 11. – С. 203–208.
21. Лубский, А. В. Социальный институт диаспоры в контексте обеспечения национальной безопасности России / А. В. Лубский, А. В. Бедрик, А. В. Сериков // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 21, № 5. – С. 63–73.
22. Вартамян, А. А. Укрепление связей с диаспорой и привлечение бывших соотечественников как ключевые инструменты государственного регулирования международной трудовой миграции / А. А. Вартамян // Миграция и соц.-экон. развитие. – 2017. – Т. 2, № 1. – С. 49–59.
23. Résumé – Politique nationale d’engagement de la diaspora malagasy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/diaspora-malagasy/19-resume-politique-nationale-d-engagement-de-la-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.

REFERENCES

1. Borisova, M. V. Diasporizacija mira kak instrument vneshniepolitichieskogo vlijanija gosudarstv / M. V. Borisova // Bulletin of the tajik national university Series of economic and social sciences. – 2023. – № 2. – P. 262–271.
2. Gauvin, A. La diaspora africaine est un acteur essentiel du développement économique et social de l’Afrique [Electronic resource] / A. Gauvin // Le Monde. – 2022. – 3 sept. – Mode of access: https://www.lemonde.fr/idees/article/2022/09/03/la-diaspora-africaine-est-un-acteur-essentiel-du-developpement-economique-et-social-de-l-afrique_6140086_3232.html. – Date of access: 25.09.2023.
3. Mandaville, P. G. Transnational Muslim politics: Reimagining the umma / P. G. Mandaville. – New York : Routledge, 2001. – 234 p.
4. Gierasimova, O. Ye. Transnacional’nyje diaspory kak novaja model’ etnopolitichieskoj obshchnosti / O. Ye. Gierasimova // Vopr. politologii. – 2021. – Vyp. 12 (76), t. 11. – S. 3461–3467.
5. Sukhariev, A. I. Politichieskoje stanovlienije subjektov sietievjkh gumanitarnykh vzaimodiejstvij v miezhdunarodnykh otnoshenijakh global’nogo mira : avtorief. dis. ... d-ra polit. nauk : 23.00.04 / A. I. Sukhariev. – M., 2011. – 51 s.
6. Torreal’ba, A. A. Tri osnovnykh podkhoda diasporal’noj diplomatii vo vneshniej politiki / A. A. Torreal’ba // Aktual. problemi ekonomiki i prava. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 154–169.

7. Diaspora Diplomacy / Institute of Public Diplomacy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.publicdiplomacy.online/diaspora-diplomacy>. – Date of access: 25.09.2023.
8. Gamlen, A. Diaspora Engagement Policies: What Are They, and What Kinds of States Use Them? [Electronic resource] / A. Gamlen // Working Paper. – University of Oxford, 2006. – № 32. – Mode of access: https://www.compas.ox.ac.uk/2006/wp-2006-032-gamlen_diaspora_engagement_policies/. – Date of access: 25.09.2023.
9. Réseau parlementaire sur les politiques des diasporas [Electronic recourse]. – Ministerstvo alii i absorbcii [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
10. Ministierstvo alii i absorbcii [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.gov.il/ru/departments/about/about_maya. – Date of access: 25.09.2023.
11. O Rossotrudnichiestvie [Elektronnyj riesurs] // Oficial'nyj sajt Rossotrudnichiestva. – Riezhim dostupa: <https://rs.gov.ru/about-foiv/>. – Data dostupa: 25.09.2023.
12. Konceptija vnieshnjej politiki Rossijskoj Fiedieracii [Elektronnyj riesurs] : utv. Priezidentom Ros. Fiedieracii V. V. Putinym, 31 marta 2023 g., № 229. – Riezhim dostupa: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. – Data dostupa: 25.09.2023.
13. «Diaspora Diplomacy» as a foreign policy strategy. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://ifair.eu/2018/11/01/diaspora-diplomacy-as-a-foreign-policy-strategy/>. – Date of access: 25.09.2023.
14. Direction de la diaspora [Electronic resource] // Ministère des affaires étrangères de Madagascar. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.
15. Malgazhdarova, A. M. Instituty diasporal'noj politiki: na primierie Juzhnoj Koriei / A. M. Malgazhdarova // Viestn. KazNPU im. Abaya. Sier. Ist. i soc.-polit. nauki. – 2022. – № 1 (72). – S. 89–99.
16. V RK pojavitsia upravlienije po dielam zarubieznykh sootiechiestviennikov [Electronic resource]. – Mode of access: http://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=70098. – Date of access: 25.09.2023.
17. Sahara marocain : La diaspora marocaine, une force de lobbying et une valeur ajoutée de la diplomatie parallèle (Consul du Maroc à Paris) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.maroc.ma/fr/actualites/sahara-marocain-la-diaspora-marocaine-une-force-de-lobbying-et-une-valeur-ajoutee-de-la>. – Date of access: 25.09.2023.
18. Loshkariov, I. D. «Miagkaja sila» diaspori. Opyt amierikancev pol'skogo i irlandского proiskhozhdenija / I. D. Loshkariov // Miezhdunar. processy. – 2018. – T. 16, № 2. – S. 141–155. DOI: 10.17994/IT.2018.16.2.53.8
19. Diaspora engagement policies [Electronic recourse] // Migration Research Hab. 2022. – Mode of access: <https://migrationresearch.com/taxonomies/topics-migration-governance-migration-policy-and-law-diaspora-engagement-policies>. – Date of access: 25.09.2023.
20. Krtian, L. A. Diaspora kak instrument vnieshnjej politiki gosudarstv / L. A. Krtian // Sistiema cennostiej sovriem. o-va. – 2010. – № 11. – S. 203–208.
21. Lubskij, A. V. Social'nyj institut diaspori v kontiektie obiespiechienija nacional'noj bieзопасnosti Rossii / A. V. Lubskij, A. V. Biedrik, A. V. Sierikov // Gumanitarij Juga Rossii. – 2016. – T. 21, № 5. – S. 63–73.
22. Vartanian, A. A. Ukrieplienije sviaziej s diasporoj i privliechienije byvshikh sootiechiestviennikov kak kliuchievye instrumenty gosudarstviennogo riegulirovanija miezhdunarodnoj trudovoj migracii / A. A. Vartanian // Migracija i soc.-ekon. razvitije. – 2017. – T. 2, № 1. – S. 49–59.
23. Résumé – Politique nationale d'engagement de la diaspora malagasy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.diplomatie.gov.mg/index.php/politique-etrangere/diaspora-malagasy/19-resume-politique-nationale-d-engagement-de-la-diaspora-malagasy>. – Date of access: 25.09.2023.